

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ОПЫТА ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ АГЕНТНОСТИ

Фауль Богдан Владимирович – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Российская Федерация, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

В данной статье автор предлагает феноменологический аргумент в пользу того, что мы являемся либертарианскими агентами: мы способны выбирать между альтернативными возможностями и являемся источниками своих действий. Автор демонстрирует, что необходимо принимать свидетельства опыта, если нет достаточных оснований против, потому что в противном случае это приводит к глобальному скептицизму. Далее, автор рассматривает потенциальные возражения на аргумент и приходит к выводу, что в данный момент времени свидетельств отвергать опыт того, что мы являемся либертарианскими агентами, недостаточно. Аргументы за и против глобального детерминизма уравновешивают друг друга. Научные данные в пользу локального детерминизма недостаточны в силу некорректного дизайна исследований. Помимо этого, автор демонстрирует, что другие аргументы направлены против определенного типа теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами. Автор приходит к выводу, что опыт либертарианской агентности является решающим в текущий момент времени, однако это не означает, что так будет всегда. Помимо этого, остается возможность отрицать, что у нас имеется феноменологический опыт либертарианской агентности. В дополнение к этому автор формулирует теорию свободы воли, которая основывается на концепции либертарианской агентности и демонстрирует, как теории этого типа справляются со случаями Франкфурта.

Ключевые слова: свобода воли, либертарианство, компатибилизм, инкомпатибилизм, принцип доверия, феноменологический аргумент

THE EPISTEMIC RELEVANCE OF THE EXPERIENCE OF LIBERTARIAN AGENCY

Bogdan V. Faul – PhD in Philosophy, Associate Professor. HSE Saint-Petersburg. 16 Soyuzna Pechatnikov St., Saint Petersburg 190121, Russian Federation;
e-mail: faulbogdan@gmail.com

In this paper, the author offers a phenomenological argument that we are libertarian agents: we can choose between alternative possibilities and are the sources of our actions. The author demonstrates that it is necessary to accept the evidence of experience unless there are sufficient reasons against it because otherwise, it leads to global skepticism. Further, the author considers potential objections to the argument and concludes that at this point, there is not enough evidence to reject the experience that we are libertarian agents. The arguments for and against global determinism balance each other out. The scientific evidence favoring local determinism is insufficient due to flawed research design. In addition, the author demonstrates that the other arguments are against a certain type of free will theories, not against us being libertarian agents. The author concludes that the experience of libertarian agency is crucial at the current

moment, but this does not mean that this will always be the case. Beyond this, it remains possible to deny that we have a phenomenological experience of libertarian agency. In addition, the author formulates a theory of free will that is based on the concept of libertarian agency and demonstrates how theories of this type deal with Frankfurt cases.

Keywords: free will, libertarianism, compatibilism, incompatibilism, the principle of credulity, phenomenological argument

Людей часто удивляет тот факт, что абсолютное большинство зарубежных специалистов по философии не видят противоречия между детерминизмом и свободой воли [Bourget, Chalmers, 2014, p. 15]. Это неслучайно, ведь кажется, что мы можем выбирать между *альтернативными возможностями*, а также что мы являемся *источниками своих действий*. Иными словами, нам кажется, что мы являемся *либертарианскими агентами*. Более того, если мы являемся либертарианскими агентами, то это представляется важным для свободы: мы свободны именно по той причине, что являемся либертарианскими агентами. Проблема эпистемологической релевантности опыта либертарианской агентности – это проблема оценки эпистемологической ценности *феноменологического свидетельства, согласно которому мы являемся либертарианскими агентами*. В данной статье я продемонстрирую, что если у нас действительно есть опыт либертарианской агентности, то этот опыт имеет решающее эпистемологическое значение на сегодняшний день, хотя это может измениться в будущем.

В современной философии имеется ряд текстов, в которых данная проблематика затрагивается в большей или меньшей степени как с позиций, которые негативным образом оценивают эпистемологическую значимость опыта либертарианской агентности [Smilansky, 2003; Walter, 2014; Wegner, 2002], так и с позиций позитивной оценки [Mawson, 2011; Van Inwagen, 2017; Chisholm, 1976; O'Connor, 2000; Clarke, 2003]. Однако эти рассуждения, как правило, сконцентрированы на проблемах того, действительно ли у нас есть опыт либертарианской агентности, а следствия из наличия такого опыта рассматриваются вскользь, если не считать крайне редких исключений [Nelkin, 2004]. В отечественной литературе данная проблема в более или менее эксплицитной форме рассматривается Васильевым, Волковым, Левиным, Мерцаловым, Разеевым, Секацкой, Югай и др. [Васильев, 2017; Волков, 2016; Левин, 2018; Левин, Югай, 2019; Мерцалов, 2021; Разеев, 2017; Секацкая, 2016].

В первой части статьи я введу основные понятия: *опыт либертарианской агентности, либертарианский агент, либертарианский феноменологический реализм*. Далее я перейду к формулировке *принципа доверия*, который является основой центрального аргумента

статьи. После этого я сформулирую аргумент, в выводе которого утверждается, что мы являемся либертарианскими агентами. В следующих разделах я сконцентрируюсь на двух типах возражений к тому, что наш опыт либертарианской агентности является эпистемологически значимым, и продемонстрирую, что в данный момент эти возражения недостаточны. В завершающей части статьи я продемонстрирую, как факт того, что мы являемся либертарианскими агентами, может быть использован для ответа на случаи Франкфурта в теориях свободы воли.

Основные понятия

Т. Хорган и М. Симмонс выделяют две центральные характеристики феноменологии свободы воли:

Характеризуют ли выражения вида «исходит из личности как из источника» и «является таким, что некто мог поступить иначе в этих же обстоятельствах» некоторые аспекты феноменологии действия и выбора точным образом? В этом вопросе, по крайней мере, мы оптимистичны в том, что ответ является утвердительным [Horgan, Timmons, 2011, p. 190].

Модифицируя идеи Т. Хоргана и М. Симмонса, можно дать следующую формулировку опыта либертарианской агентности: субъект S имеет опыт либертарианской агентности в том случае, когда S имеет опыт, что (а) в некоторый момент времени S способен совершить либо X, либо не-X; и S имеет опыт, что (б) S является источником своих действий. Субъект S действительно является либертарианским агентом, когда (а) и (б) истинны в отношении S.

Таким образом, обозначим позицию, согласно которой у нас действительно имеется опыт либертарианской агентности, как *либертарианский феноменологический реализм*. Соответственно, *либертарианский феноменологический антиреализм* – это позиция, согласно которой у нас нет опыта либертарианской агентности. Современная дискуссия в значительной степени вращается вокруг вопроса о том, действительно ли у нас есть такой опыт [Horgan, Timmons, 2011]. Есть ли такой опыт у людей, которые не занимались философией и проблемой свободы воли, и как мы способны зафиксировать этот опыт? [Nahmias et al., 2004] В рамках данной статьи я не буду касаться этих проблем. Предмет анализа в том, что следует из либертарианского феноменологического реализма.

Принцип доверия

В данном разделе я сконцентрируюсь на принципе доверия, который является главным эпистемологическим фундаментом центрального аргумента статьи. Принцип доверия получил наилучшую разработку в работах Р. Суинберна [Swinburne, 2004, p. 293–328], но преимущественно развивался в трудах, посвященных аргументу от религиозного опыта в философии религии [Alston, 1993]. Сегодня он является общим эпистемологическим принципом, который может иметь различные формулировки [Tucker, 2013, p. 1–29].

Принцип доверия: если субъект *S* имеет опыт, что *X* имеет место, то этот опыт увеличивает эпистемологическую вероятность, что *X* имеет место при условии отсутствия контрсвидетельств.

Таким образом, в данной формулировке принципа выражается взгляд, согласно которому опыт имеет *пропозициональное содержание* и увеличивает эпистемологическую вероятность того, что пропозициональное содержание опыта истинно [Tooley, 2013; Conee, 2013].

Эпистемологическая вероятность напрямую связана с идеей эпистемологической рациональности. Если истинность некоторой пропозиции *X* имеет наиболее высокую эпистемологическую вероятность для *S*, то для *S* рационально считать, что *X* имеет место. Если рациональность нормативна, то в этом случае субъект *S* должен считать, что *X* имеет место [Kiesewetter, 2017].

Таким образом, в соответствии с принципом доверия некоторый опыт, что *X* имеет место, делает убеждение «*X* имеет место» более рациональным при условии отсутствия контрсвидетельств. В современной литературе выделяют два вида контрсвидетельств: *опровергающие* (rebutters) и *подрывающие* свидетельства (underminers) [Alston, 2004, p. 138].

Опровергающие свидетельства дают веские основания считать, что *X* не имеет места, хотя *S* и имеет противоположный опыт. Например, если вы видите дерево перед собой, то в соответствии с принципом доверия, скорее всего, дерево действительно находится перед вами. Однако вам могут предоставить свидетельства, что дерево – это голограмма, которую ученые специально сконструировали для того, чтобы вас обмануть. Если эти свидетельства будут достаточно обоснованными, то вы должны перестать считать, что перед вами находится дерево.

Подрывающие свидетельства дают веские основания считать, что связь субъекта *S* с реальностью недостаточно надежна. Например, вам могут предоставить достаточные основания считать, что каждый раз, когда на вашу сетчатку глаза попадает свет от фонарного столба, ваш мозг по какой-то причине неправильно обрабатывает этот опыт, в результате чего вы видите дерево. Данный факт снижает

надежность вашего опыта, и разумным было бы перестать быть уверенным в том, что перед вами находится дерево.

Основная мотивация принятия принципа доверия состоит в том, что его отрицание приводит к глобальному скептицизму в отношении существования внешнего мира. Если принцип доверия верен, то метафизический реализм в той или иной форме становится рационально обоснованным. Иными словами, принятие принципа доверия рационально обосновывает то, что во внешнем мире существуют объекты, с которыми мы сталкиваемся в нашем опыте. Можно признать, что большинство современных философов принимают какую-либо из разновидностей принципа доверия, поскольку 81,6% из них придерживаются антискептического реализма [Bourget, Chalmers, 2014, p. 15].

Следует отметить, что принцип доверия является универсальным. Иными словами, если принцип доверия истинен, то он истинен для любого опыта. Если некоторый тип опыта не попадает в область действия принципа доверия, то этот факт требует объяснения. Такое объяснение может существовать только в форме наличия контрсвидетельств, которые будут являться либо опровергающими, либо подрывающими свидетельствами. Иными словами, если есть веские основания считать, что некоторый тип опыта (например, религиозный) не имеет эпистемологической ценности, то эти основания совместимы с истинностью принципа доверия, поскольку они будут объяснены в категориях, которые предполагаются принципом. Таким образом для того, чтобы некоторый опыт имел эпистемологическую ценность, необходимо удовлетворение следующих условий: (i) опыт должен иметь место, (ii) опыт должен определять пропозициональное содержание (например, что X имеет место), (iii) опыт не должен опровергаться достаточным количеством контрсвидетельств. Либертарианский феноменологический реализм как минимум предполагает удовлетворение условиям (i) и (ii).

Феноменологический аргумент

1. Либертарианский феноменологический реализм истинен.
2. Если либертарианский феноменологический реализм истинен, то разумно принимать, что мы являемся либертарианскими агентами в том случае, когда нет достаточных опровергающих и подрывающих свидетельств против этого.
3. Таких опровергающих и подрывающих свидетельств нет.
4. Разумно принимать, что мы являемся либертарианскими агентами.

Как уже было отмечено выше, посылка (1) принимается в соответствии с целями статьи. Посылка (2) является крайне правдоподобной, потому что ее отрицание ведет к глобальному скептицизму, как было продемонстрировано в предыдущем разделе. Остается посылка (3). Именно эта посылка и является основной с точки зрения обосуждения потенциальных возражений на аргумент.

Подрывающие свидетельства

Сконцентрируемся для начала на подрывающих свидетельствах. Чтобы найти подрывающее свидетельство, необходимо указать на весомые основания считать, что наша феноменология неправильным образом репрезентирует реальную ситуацию. В применении к проблематике статьи нужны основания, которые продемонстрируют, что сам опыт того, что мы являемся либертарианскими агентами, *ненадежно репрезентирует реальные свойства агентов*. Однако нельзя в то же время утверждать, что мы знаем об этой ненадежной репрезентации на основании того, что мы знаем, что мы не либертарианские агенты фактически. Такой тип возражения классифицировался бы как опровергающее свидетельство. Поэтому либо наша феноменология в отношении либертарианской агентности не так прозрачна, либо ей нельзя доверять по причине того, что феноменология не может быть надежной в целом.

В первом случае мы получаем позицию либертарианского феноменологического антиреализма, которую мы отвергли в посылке (1). Во втором же случае необходимо продемонстрировать тот факт, что наше интроспективное свидетельство ненадежно. Например, иногда люди испытывают фантомные боли, хотя на деле за этой болью не стоит никаких реальных состояний тела. Быть может, наша интроспекция в отношении свободы воли подобна фантомной боли и на самом деле она не репрезентирует никаких реальных свойств агента? Вполне возможно. Однако такое предположение не может считаться основанием отвергать надежность интроспекции в целом. Чтобы получить подрывающее свидетельство, мало просто снизить вероятность того, что интроспекция надежна, нужно уверенно утверждать, что она ненадежна в целом и, как следствие, ненадежна и в вопросе опыта либертарианской агентности. В противном случае мы не получим подрывающее свидетельство. Несмотря на огромное количество дискуссий вокруг интроспекции, она все же выстраивается вокруг того, является ли она абсолютно надежной для самопознания либо же способна иногда некорректно репрезентировать реальные свойства агента [Schwitzgebel, 2024]. В данный момент нет оснований систематически сомневаться в ее надежности, из чего следует, что нет такого подрывающего свидетельства, которое способно отвергнуть посылку (3).

Опровергающие свидетельства

Сконцентрируемся на опровергающих свидетельствах. В данный момент необходимо обратить внимание на то, что если мы действительно являемся либертарианскими агентами, то *само по себе это еще не влечет истинности какой-либо теории в рамках дискуссии о свободе воли*. Компатибилизм, например, преимущественно (хотя и не всегда) формулируется как теория о совместимости детерминизма и свободы воли вне прямого отношения к проблематике истинности детерминизма [McKenna, Coates, 2024]. Если мы являемся либертарианскими агентами, то детерминизм ложен, однако некоторые разновидности компатибилизма, в которых не утверждается истинность детерминизма, все еще могут быть правильными теориями свободы воли даже в том случае, если мы фактически являемся либертарианскими агентами. Это означало бы, что, даже если бы в нашем мире был истинен детерминизм, мы все равно были бы свободными, пусть мы и не могли бы выбирать между альтернативными возможностями. Таким образом, если мы фактически являемся либертарианскими агентами, это не означает, что параметры этой агентности обязаны становиться компонентами теории свободы воли. Именно по этой причине мы не можем рассматривать различные теории свободы воли как свидетельство, которое опровергает или даже делает вклад в опровержение того, что мы являемся либертарианскими агентами.

Таким образом, чтобы лишить опыт либертарианской агентности эпистемологической ценности, должны быть веские основания считать, что как минимум одно из следующих утверждений является ложным:

(1) В некоторый момент времени t субъект S способен совершить либо X , либо не- X .

(2) В некоторый момент времени t субъект S является источником своих действий.

В данной конъюнкции переменные t и S из (1) принимают те же значения, что и переменные t и S из (2). В данном разделе я рассмотрю, какие основания могут быть отрицать (1) или (2).

Во-первых, необходимо рассмотреть вопрос об *истинности детерминизма*. Согласно глобальному детерминизму, состояние вселенной в некий момент времени имеет только одно возможное будущее. Если детерминизм верен, то как минимум ложно (1). Более того, если детерминизм верен, то ложно и (2), поскольку причины действий агентов можно отсчитывать с момента до их рождения, и, как следствие, источниками их действий окажутся силы и события, которые выходят за их пределы [Strawson, 1986, p. 25]. Вопрос упирается в то, есть ли у нас какие-то весомые основания принимать

детерминизм и достаточны ли эти основания, даже если они есть, чтобы превысить эпистемологическую значимость феноменологического либертарианского реализма. В данном отношении следует указать на то, что аргументы за и против детерминизма находятся в состоянии паритета [Hoefler, 2023]: научных данных недостаточно, чтобы однозначно утверждать истинность детерминизма или индетерминизма. Философские основания в пользу или против детерминизма также не могут быть решающими. Поэтому нельзя рассматривать детерминизм как опровергающее свидетельство, в силу которого мы должны отрицать (1) или (2). Однако эта ситуация характерна только для сегодняшнего дня: если в будущем окажется так, что в научном сообществе возникнет консенсус по поводу глобального детерминизма, феноменологический аргумент будет гораздо сложнее защищать.

Во-вторых, рассмотрим *принцип каузальной замкнутости физического мира*. Согласно этому принципу, у каждого физического события есть достаточная физическая причина. Можно подумать, что этот принцип опровергает (2), ведь кажется, что если мы являемся либертарианскими агентами, то мы должны быть нематериальными агентами, а в этом случае для агентов не остается никаких причинно-следственных задач. Однако в (1) или (2) самих по себе не утверждается, что агент должен быть нематериален, поэтому сам по себе принцип каузальной замкнутости физического не может являться опровергающим свидетельством. Можно пойти другим путем и на основании принципа каузальной замкнутости построить *аргумент разоблачения в отношении либертарианской агентности*: если принцип каузальной замкнутости физического верен, значит, есть объяснение действий агента без использования категории агента. Из этого следует, что мы должны предпочесть это объяснение в силу его большей предполагаемой простоты, и это будет опровергать наш опыт, согласно которому мы являемся либертарианскими агентами. Данное рассуждение, однако, вновь основывается на том, что либертарианский агент нематериален, но ничего подобного не утверждается в (1) или (2). Таким образом, для демонстрации того, что сам по себе принцип каузальной замкнутости физического не может выступать как опровергающее свидетельство, даже не нужно указывать на его спорность в современной философии [Lowe, 2008]. Принцип каузальной замкнутости физического вступает в противоречие с теориями свободы воли, однако оказывается совместимым с существованием либертарианских агентов.

В-третьих, необходимо рассмотреть *эксперименты в стиле Либета*. Эти эксперименты демонстрируют, что сознательное решение агента является следствием какой-то активности в мозге, которую агент не осознает. Эксперименты Б. Либета [Libet et al., 1982], например, демонстрируют, что нейрональная активность, которая называется потенциалом готовности, на 350 миллисекунд предшествует

сознательному решению агента действовать. Таким образом, агенту лишь кажется, что есть волевое решение действовать, но на самом деле само это решение возникает лишь после активации потенциала готовности, который находится за пределами феноменологии агента. Помимо этого, есть эксперименты Ч. Суна и коллег [Soon et al., 2008], в которых посредством функциональной магнитно-резонансной томографии были обнаружены паттерны активации различных регионов мозга, декодировка которых позволяет предсказывать выбор человека между двумя кнопками с вероятностью 60%. Эти процессы обнаруживаются в мозге за промежуток времени от 7 до 10 секунд до того момента, когда агент сообщает о том, что принял решение. Эти эксперименты могут продемонстрировать истинность локального детерминизма, и, как следствие, это может рассматриваться как опровергающее основание в отношении (1) и (2). Однако, как убедительно демонстрирует М. Фишборн, текущее состояние этих экспериментов не противоречит тому, что мы являемся либертарианскими агентами, хотя это опровержение и возможно в будущем [Fischborn, 2016]. Эксперименты Б. Либета недостаточны, поскольку сам дизайн экспериментов, как выяснилось, не предполагает замера событий, в которых активируется потенциал готовности, но действия после этого не следует. Это означает, что потенциал готовности может не иметь причинного значения, а просто лишь предшествовать решению агента, которое и является причиной (или же потенциал готовности может быть необходимой, но недостаточной частью причины действовать). Эксперименты Ч. Суна и коллег страдают той же проблемой, что и эксперимент Б. Либета: в них не учитываются события, в которых имеется нужная нейрональная активность, но нет действия. Однако в дополнение к этому еще и вероятность предсказания снижена. Иными словами, результатов этого эксперимента недостаточно для установления локального детерминизма, как недостаточно и экспериментов Б. Либета. Таким образом, эксперименты этого типа в текущий момент времени не опровергают ни (1), ни (2) [Ibid., p. 503–507]. Однако возможна ситуация, когда эксперименты этого типа будут поддерживать локальный детерминизм, просто в данный момент такая ситуация не наступила.

В-четвертых, нужно сконцентрироваться на том, что в литературе называют *возражением от удачи*. Если у агента имеется выбор между альтернативными возможностями А и не-А, то, кажется, нет никакого причинно-следственного объяснения, почему именно агент выбирает одно, а не другое. Все события до момента выбора тождественны, однако в последний момент почему-то происходит актуализация одного из двух возможных событий. Это означает, что у события выбора нет объяснения и, как следствие, выбор А вместо выбора не-А оказывается вопросом удачного стечения обстоятельств [Mele, 1998]. Из этого следует, что агент не может нести

моральной ответственности за свои поступки либо же за последствия своих поступков именно в силу этой удачи. На данный аргумент есть множество ответов: агентные либертарианцы вроде Т. Моусона утверждают, что в сценарии выбора А агент фактически выбрал А, и именно в силу этого волевого решения он и несет моральную ответственность, пусть все могло случиться иначе [Mawson, 2011]. Дж. Фишер, например, считает, что важно, чтобы состояния агента до выбора приводили к выбору правильным образом [Fischer, 2014]. Р. Кейн стремится продемонстрировать, что индетерминизм встраивается в общую телеологическую активность агента и поэтому не снижает общего контроля агента над событием, что сохраняет моральную ответственность [Kane, 2014]. В контексте нашего обсуждения самым любопытным является то, что принятие истинности (1) и (2) само по себе не обязывает как-то отвечать на аргумент последствий. Если я выбираю между альтернативными возможностями, то это мой выбор и я являюсь источником этого выбора, объясним ли он причинно-следственно или нет. Кто-то может утверждать, что теория свободы воли, в которой мои действия, например, необъяснимы в терминах предшествующей причинности, является плохой теорией свободы воли. Однако в данный момент, как уже отмечалось до этого, аргументация выстраивается не в пользу некоторой теории свободы воли, а в пользу того, что мы являемся источниками действия и можем выбирать между альтернативными возможностями. Само по себе принятие этих двух тезисов еще не обязывает принимать ту или иную позицию в дискуссии о свободе воли и моральной ответственности. Таким образом, возражение от удачи, даже если предположить его успешность, опровергает только некоторые теории свободы воли, но не опровергает того, что мы являемся либертарианскими агентами.

Глобальный и локальный детерминизм не могут опровергнуть, что мы являемся либертарианскими агентами, поскольку недостаточно обоснованы в текущий момент времени. Возражение от удачи и принцип казуальной замкнутости являются возражением против определенных теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами, что совместимо с огромным количеством теорий свободы воли, включая и компатибилистские. Оснований сомневаться в надежности интроспекции также недостаточно. Из этого следует, что если либертарианский феноменологический реализм истинен, то мы должны считать, что являемся либертарианскими агентами в предложенном смысле, и, как следствие, опыт либертарианской агентности оказывается не просто эпистемологически релевантным, но решающим.

Минимальное либертарианство

Как уже было неоднократно отмечено, даже если мы являемся либертарианскими агентами, это еще не влечет истинности какой-то либертарианской теории само по себе. В качестве небольшого дополнения в данном разделе я предложу теорию, которая органично включает в себя тот факт, что мы являемся либертарианскими агентами, и отвечает на случаи Г. Франкфурта [Frankfurt, 1969]. Я предполагаю, что это и есть та теория, которой придерживаются люди до того момента, как узнают о проблеме свободы воли, однако для подтверждения или опровержения этого потребуются отдельные исследования в области экспериментальной философии. Обозначим эту теорию как *минимальное либертарианство*. Обычно дискуссия о свободе воли в либертарианском контексте вращается вокруг критериев свободного действия. Я предлагаю построить теорию, которая в конечном итоге будет ставить моральную ответственность в зависимость от свойств агента, а не действия.

Теория свободного агента: агент S является свободным тогда и только тогда, когда (1) S в целом способен выбирать между альтернативными возможностями и (2) S является источником своих действий.

Теория базовой моральной ответственности: S несет моральную ответственность за действие A тогда, когда S является свободным агентом.

Эти условия довольно минималистичны. Например, к этой теории можно добавить пропорциональность моральной ответственности посредством введения дополнительного условия вроде соответствия действия фундаментальным установкам личности. Однако в текущий момент в этом нет необходимости. Особенность теории состоит в том, что даже в таком минимальном виде в ней содержится ответ на случаи в стиле Г. Франкфурта.

Случаи в стиле Франкфурта направлены на опровержение принципа альтернативных возможностей, который формулируется так: «личность морально ответственна за то, что сделала, только если могла поступить иначе» [Ibid., p. 829]. Существует много случаев в стиле Франкфурта, которые отличаются в довольно существенных деталях. В качестве иллюстративного примера я приведу случай Джона Фишера, процитированный по статье Дэвида Робба: «Блэк – подлый нейрохирург. Проводя операцию по удалению опухоли мозга Джонса, Блэк вставляет в его мозг механизм, который позволяет Блэку следить за действиями Джонса и контролировать их. Джонс, тем временем, ничего об этом не знает. Блэк управляет им с помощью компьютера, который он запрограммировал так, что тот, помимо прочего, следит за поведением Джонса при голосовании. Если Джонс

проявляет склонность к решению проголосовать за [демократа], то компьютер через механизм в мозгу Джонса вмешивается, чтобы убедиться, что он действительно решит проголосовать за [республиканца], и голосует именно так. Но если Джонс сам решит проголосовать за [республиканца], компьютер не будет ничего делать, а продолжит наблюдать за происходящим в голове Джонса, не оказывая на это никакого влияния. Предположим, что Джонс решает проголосовать за [республиканца] самостоятельно, как он бы и сделал, если бы Блэк не вставил механизм в его голову. Тогда Франкфурт утверждает, что Джонс несет ответственность за голосование за [республиканца], независимо от того, что он не мог поступить иначе» [Robb, 2023].

Данный случай демонстрирует, что моральная ответственность сохраняется даже в условиях, когда у агента нет альтернативных возможностей. Следовательно, принцип альтернативных возможностей ложен.

Минимальное либертарианство способно объяснить, почему в данном случае нам *кажется*, что моральная ответственность сохраняется: пусть даже конкретное действие не имело альтернатив, важно то, что *агент сам по себе является свободным*, то есть агент, как правило, может выбирать из альтернатив и является источником действий. Следовательно, и это действие было сделано свободным агентом, пусть даже конкретно это действие и не предполагало альтернативных возможностей. Таким образом, минимальное либертарианство способно как принять принцип альтернативных возможностей, так и отвергнуть его. Отвержение принципа альтернативных возможностей, однако, не влечет вывода, что альтернативные возможности совершенно не важны для моральной ответственности: для моральной ответственности важной оказывается общая способность выбора между альтернативными возможностями. Обратим внимание, что данная теория совместима с огромным количеством онтологий личности: она не требует принятия материальности или нематериальности агента.

Заключение

Таким образом, если у нас действительно есть опыт либертарианской агентности, то при текущем уровне наших знаний о мире мы должны считать, что являемся либертарианскими агентами. Нельзя считать, что опыт не является эпистемологически релевантным в целом, потому что в этом случае мы получаем глобальный скептицизм. Из этого следует, что отвергнуть эпистемологическую ценность опыта либертарианской агентности также нельзя. *Подрывающие* свидетельства против опыта либертарианской агентности недостаточны,

потому интроспекция довольно надежно репрезентирует свойства агентов, пусть и не абсолютно во всех случаях. *Опроверяющие* свидетельства либо недостаточно сильны, как в случае с детерминизмом или экспериментальными данными; либо направлены против теорий свободы воли, а не против того, что мы являемся либертарианскими агентами, как в случаях с каузальной замкнутостью физического мира или возражением от удачи. Тем не менее возможна ситуация, когда научные данные будут достаточными для установления локального детерминизма в пределах нашего тела, что выступит как опровергающее свидетельство. То же верно и для глобального детерминизма: если его истинность будет подтверждена научными данными и выражена в научном консенсусе, то это станет весомым основанием считать наше феноменологическое свидетельство ошибочным. Однако в данный момент времени опыт либертарианской агентности имеет решающее значение и наиболее правдоподобной стратегией возражения на феноменологический аргумент является отрицание либертарианского феноменологического реализма.

Список литературы

Васильев, 2017 – *Васильев В.В.* В Защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: Ленанд, 2017. 198 с.

Волков, 2016 – *Волков Д.Б.* Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. // *Философский журнал.* 2016. № 3 (9). С. 175–189.

Левин, 2018 – *Левин С.М.* Свобода воли, наука и причины поведения // *Философия и эпистемология науки.* 2018. № 2 (55). С. 153–164.

Левин, Югай, 2019 – *Левин С.М., Югай В.С.* Иллюзия выбора и неконтролируемые действия // *Философский журнал.* 2019. № 2. С. 92–102.

Мерцалов, 2021 – *Мерцалов А.В.* Аргумент от чувства свободы и отчаянный компатибилизм // *Вопросы философии.* 2021. № 4. С. 27–38.

Разеев, 2017 – *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова.* 2017. № 6 (67). С. 721–727.

Секацкая, 2016 – *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии.* 2016. № 3. С. 163–169.

References

Alston, 1993 – Alston, W.P. *Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993.

Bourget, Chalmers, 2014 – Bourget, D., Chalmers, D.J. “What Do Philosophers Believe?”, *Philosophical Studies*, 2014, vol. 170, no. 3, pp. 465–500.

Chisholm, 1976 – Chisholm, R.M. *Person and Object: A Metaphysical Study*. London: George Allen & Unwin, 1976.

Clarke, 2003 – Clarke, R. *Libertarian Accounts of Free Will*. New York: Oxford University Press, 2003.

Conee, 2013 – Conee, E. “Seeming Evidence”, in: Ch. Tucker (ed.). *Seemings and Justification: New Essays on Dogmatism and Phenomenal Conservatism*. New York: OUP, 2013, pp. 52–71.

Fischborn, 2016 – Fischborn, M. “Libet-style Experiments, Neuroscience, and Libertarian Free Will”, *Philosophical Psychology*, 2016, vol. 29, no. 4, pp. 494–502.

Fischer, 2014 – Fischer, J.M. “Toward a Solution to the Luck Problem”, in: D. Palmer (ed.). *Libertarian Free Will. Contemporary Debates*. USA: Oxford University Press, 2014, pp. 52–68.

Frankfurt, 1969 – Frankfurt, H. “Alternate Possibilities and Moral Responsibility”, *Journal of Philosophy*, 1969, vol. 66, pp. 829–839.

Hoefer, 2024 – Hoefer, C. “Causal Determinism” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/determinism-causal/>, accessed on 20.10.2024].

Horgan, Timmons, 2011 – Horgan, T., Timmons, M. “Introspection and the Phenomenology of Free Will: Problems and Prospects”, *Journal of Consciousness Studies*, 2011, vol. 18, no. 1, pp. 180–205.

Inwagen, 2017 – Van Inwagen, P. *Thinking about Free Will*. New York: Cambridge University Press, 2017.

Kane, 2014 – Kane, R. “New Arguments in Debates on Libertarian Free Will: Responses to Contributors”, in: D. Palmer (ed.). *Libertarian Free Will. Contemporary Debates*. USA: Oxford University Press, 2014, pp. 179–214.

Kiesewetter, 2017 – Kiesewetter, B. *The Normativity of Rationality*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2017.

Levin, S.M. “Svoboda voli, nauka i prichiny povedeniya” [Free Will, Science and Causes of Behavior], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 153–164. (In Russian)

Levin, S.M., Yugai, V.S. “Illuzia vybora i nekontroliruyemiye deistviya” [The Illusion of Choice and Uncontrolled Actions], *Filosofskii zhurnal – The Journal of Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 92–102. (In Russian)

Libet, Wright, Gleason, 1982 – Libet, B., Wright, E.W., Gleason, C.A. “Readiness-potentials Preceding Unrestricted ‘Spontaneous’ vs. Pre-Planned Voluntary Acts”, *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 1982, vol. 54 no. 3, pp. 322–335.

Lowe, 2008 – Lowe, E.J. *Personal Agency. The Metaphysics of Mind and Action*. Oxford, US: Oxford University Press, 2008.

Mawson, 2011 – Mawson, T.J. *Free Will: A Guide for the Perplexed*. London, New York: Continuum, 2011.

McKenna, Coates, 2024 – McKenna, M. and D.J. Coates, “Compatibilism”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/compatibilism/>], accessed on 20.10.2024].

Mele, 1998 – Mele, A. “Review of Kane, The Significance of Free Will”, *Journal of Philosophy*, 1998, vol. 95, pp. 581–584.

Mertsalov, A.V. “Argument ot chuvstva svobody i otchayannyi compatibilism” [Argument from a Sense of Freedom and Desperate Compatibilism], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 3, pp. 27–38. (In Russian)

Nahmias et al., 2004 – Nahmias, E., Morris, S.G., Nadelhoffer, T., Turner, J. “The Phenomenology of Free Will”, *Journal of Consciousness Studies*, 2004, vol. 11, no. 7–8, pp. 162–179.

Nelkin, 2004 – Nelkin, D.K. “The Sense of Freedom”, in: J.K. Campbell, M. O’Rourke, D. Shier (eds.). *Freedom and Determinism*. Cambridge: The MIT Press, 2004, pp. 105–134.

O’Connor, 2000 – O’Connor, T. *Persons and Causes. The Metaphysics of Free Will*. New York: Oxford University Press, 2000.

O’Connor, Franklin, 2022 – O’Connor, T., Franklin, Ch. “Free Will”, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2022. [<https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/freewill/>, accessed on 20.10.2024].

Razeev, D.N. “Problema svobody voli v kontekste issledovaniy neironauki” [The Problem of Free Will in the Context of Neuroscience Research], *Journal of Higher Nervous Activity named after I.P. Pavlov*, 2017, vol. 67, no. 6, pp. 721–727. (In Russian)

Robb, 2023 – Robb, D. “Moral Responsibility and the Principle of Alternative Possibilities”, in: Zalta, E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2023 [<https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/alternative-possibilities/>, accessed on 20.10.2024].

Schwitzgebel, 2003 – Schwitzgebel, E. “Introspection”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2024 [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2024/entries/introspection/>, accessed on 20.10.2024].

Sekatskaya, M.A. “Svoboda voli i predskazuemost. Filosofskii analiz sovremennykh issledovaniy v neironauke” [Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 3, pp. 163–169. (In Russian)

Smilansky, 2008 – Smilansky, S. *Free Will and Illusion*. Oxford: Clarendon Press, 2003.

Soon et al., 2008 – Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.J. and Haynes, J.D. “Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain”, *Nature Neuroscience*, 2008, vol. 11, no. 5, pp. 543–545.

Strawson, 1986 – Strawson, G. *Freedom and Belief*. Oxford, GB: Oxford University Press, 1986.

Swinburne, 2004 – Swinburne, R. *The Existence of God. 2nd Edition*. Oxford, New York: Clarendon Press, 2004.

Tooley, 2013 – Tooley, M. “Michael Huemer and the Principle of Phenomenal Conservatism”, in: Ch. Tucker (ed.) *Seemings and Justification: New Essays on Dogmatism and Phenomenal Conservatism*. New York: OUP, 2013, pp. 306–328.

Tucker, 2013 – Tucker, Ch. *Seemings and Justification: An Introduction*. New York: Oxford University Press, 2013.

Vasilyev, V.V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In Defense of Classical Compatibilism: Essay on Free Will]. Moscow: LENAND Publ., 2017. (In Russian)

Volkov, D.B. “Problema svobody voli: obzor klyuchevykh issledovaniy konca XX – nachala XXI vv. v analiticheskoy filosofii” [The Problem of Free Will: An Overview of Major Studies by Analytical Philosophers in Late 20th – Early 21st Century], *Filosofskii zhurnal – The Journal of Philosophy*, 2016, vol. 9, no. 3, pp. 175–189. (In Russian)

Walter, 2012 – Walter, S. “Willusionism, Epiphenomenalism, and the Feeling of Conscious Will”, *Synthese*, 2012, vol. 191, pp. 2215–2238.

Wegner, 2002 – Wegner, D.M. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002.